

Отзыв

официального оппонента

на диссертацию Максимовой Анастасии Александровны «Деревянная жилая и хозяйственная застройка монастырей Москвы конца XIV – начала XVIII веков по данным археологии (планировка, конструктивные особенности, вещевые комплексы)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 – Археология

Деревянная архитектура, являясь неотъемлемой частью русской культуры, на протяжении веков играла основообразующую роль в формировании и функционировании как мирской обывденной, так и сакральной среды, опираясь на общие для деревянной застройки, хотя и типологически вариативные, принципы планировки, композиционно-архитектурные особенности, технику строительства. В полной мере это относится и к монастырскому пространству, организованному, в том числе, посредством деревянных построек, включенных в бытовую, хозяйственную, социальную жизнь общины. Поэтому рассмотрение деревянной жилой и хозяйственной застройки именно в контексте монастырского пространства при отсутствии обобщающих работ в таком исследовательском ракурсе, обуславливает очевидную актуальность представленной диссертации. Актуализирует работу анализ монастырей как особых археологических объектов, сохраняющих в культурном слое остатки деревянных конструкций, комплекс которых обустроивал повседневную жизнь насельников. Введение в научный оборот новых материалов и впервые выполненное обобщение археологических данных по деревянной застройке шести московских монастырей (Высоко-Петровского, Зачатьевского, Новодевичьего, Богородице-Рождественского, Симонова, Сретенского), а также их сравнительный анализ с другими монастырями Московской Руси, не только усиливает актуальность исследования, но определяет его несомненную новизну.

В соответствии с темой сформулированы *объект* исследования, которым является деревянная жилая и хозяйственная застройка монастырей Москвы конца XIV – начала XVIII в., и *предмет* – археологически выявленные остатки деревянных построек, их конструктивные особенности, планиграфия и вещевые комплексы.

Верно поставленные *цель* – всесторонняя характеристика деревянной жилой и хозяйственной застройки монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв. – и *задачи* позволяют раскрыть заявленную тему. Обоснованы хронологические и территориальные *рамки* – периодом усиления роли монастырей в государстве и границами расположения исследуемых московских обителей в пределах города.

Чрезвычайно важным для решения поставленных задач и доказанности положений, выдвигаемых на защиту, является правильный выбор методологической основы и методического инструментария в виде набора универсальных, прежде всего, сравнительно-исторического, и специальных методов археологического анализа. Ключевую роль играют принципы историзма и системности, которые позволяют рассматривать деревянную застройку и различные аспекты монастырской жизни в их целостности и взаимосвязи, а также комплексный подход, предполагающий интеграцию данных разных типов источников при базовом значении археологических. Именно археологические остатки заглубленных частей сооружений позволили реконструировать деревянную монастырскую застройку во временной и исторической динамике. Привлечение письменных (описи, документы), картографических (планы XVII – начала XX в.), изобразительных (иконы, миниатюры, лубки) данных позволило автору полнее раскрыть информационный потенциал археологического контекста и разнообразие монастырской жизни.

Структура работы подчинена выполнению поставленных задач и строгому исследовательскому алгоритму, направленному на возможно полную характеристику основных элементов, формирующих монастырскую среду: планировка, собственно деревянная жилая и хозяйственная застройка, ее предметное наполнение, которые рассматриваются в сопоставлении археологических данных с другими видами источников.

Глава 1, посвященная истории исследований монастырей Москвы, хотя и не выделена как особая задача, безусловно, необходима, поскольку понимание степени изученности проблемы – обязательный этап погружения в тему для выстраивания самостоятельной исследовательской траектории.

Обращаясь к историографии, диссертантка отмечает, что монастыри являются особым археологическим памятником, объединяющим на своей территории разнообразные объекты, изучение которых сформировало

монастырскую археологию как исследовательское направление и, вместе с тем, стало предметом междисциплинарного анализа, что позволяет составить системное представление об облике и жизнедеятельности монастырей как специфической среды обитания.

Кратко касаясь монографических исследований XIX – начала XX в., диссертантка отмечает главное: описательный характер внутримонастырской жизни, исторических и политических сюжетов при крайне редких и скудных упоминаниях деревянной застройки. Этот вывод подчеркивает значение археологического изучения московских монастырей, в истории которого диссертантка выделяет два этапа: 1930–1970 гг., когда раскопки были связаны главным образом с архитектурно-реставрационными работами, и с 1970-х гг., когда начинаются направленные исследования монастырей как особого археологического объекта и закладываются основы монастырской археологии. На современном этапе накапливаются материалы о деревянной застройке московских монастырей, но, как подчеркивает автор, они остаются малочисленными и разрозненными и не дают общей картины на ее развитие.

Важную часть главы 1 составляет сравнительный анализ археологического изучения московских обителей с раскопками монастырей в Подмосковье, Русском Севере, Поволжье, Сибири. Сопоставление с обширными материалами 25 монастырей России приводят диссертантку к выводу об общности состава и конструктивных приемов жилых и хозяйственных сооружений монастырей Московской Руси.

В главе 2 диссертанткой проведен большой объем работы по анализу особенностей планировки монастырей на основе археологических, изобразительных, графических, письменных источников с дальнейшим сопоставлением и обобщением полученных результатов. Обстоятельный сравнительный анализ разных групп данных привел диссертантку к ряду значимых аргументированных выводов о планировке обителей как принципе организации их жизнедеятельности. Главный из них, подтвержденный всеми привлеченными источниками: системность в обустройстве монастырского пространства посредством расположения деревянной застройки, хотя формы были многообразны (например, в виде незамкнутого каре в Зачатьевском монастыре или усадебно-уличная планировка в Новодевичьем). При разной степени упорядоченности в отдельных монастырях в целом их территория

имела иерархичную зональную структуру, разделяясь на входную, культовую, жилую и хозяйственную зоны с центром во главе главного собора и площади вокруг него. Выявив динамику планировки от первоначального размещения келий вокруг главного собора к их сдвигу в XVII в. к монастырским стенам, автор проследила эту тенденцию и в локализации относительно друг друга жилых построек и некрополей, которые, разрастаясь, постепенно накрывали жилую зону, сдвигая кельи к периферии. Диссертантка выяснила, что существенной разницы в планировке малых и крупных, а также мужских и женских обителей не было, но она присутствовала в размещении жилых и хозяйственных построек в общежительных монастырях, где их старались разносить по разным частям, и особножительных монастырях где они, напротив, соседствовали друг с другом, создавая единые комплексы. В работе аргументировано показано максимально рациональное использование пространства обителей как посредством продуманного размещения застройки, так и разграничения площади монастырей с помощью внутренних оград. Автор также сумела убедительно обосновать важный тезис о существенном влиянии на общий характер застройки и планировочную структуру монастырей социального статуса его насельников.

Анализ собственно деревянных построек в главе 3, представленных заглубленными частями сооружений и в меньшей степени нижними сохранившимися наземными элементами, показывает особое значение ископаемых материалов, которые являются основным и во многих случаях единственным источником для реконструкции ранней застройки монастырей Москвы конца XIV–XVI вв., а также более позднего периода. Рассмотрены остатки 91 постройки из шести монастырей Москвы, из них 65 – внутри обителей, 26 – за оградой, формирующих хозяйственные дворы, на совокупной площади около 16 тыс. кв. м. Исследование строительных материалов (дерево, кирпич, керамика, слюда), технологии возведения построек (котлованы погребов глубиной 0,3–2,1 м с деревянной обшивкой земляных стенок, применение срубной и каркасно-столбовой техники), формы сооружений (квадратная, прямоугольная), размерных модулей строительных элементов, отсутствие фундаментов ввиду небольшой тяжести деревянных стен, внутренней планировки и интерьера (входы, окна, печи) убедительно показало, что монастырская застройка в целом укладывается в рамки сложившихся приёмов

русского деревянного зодчества, а также принципиально схожа с общегородской. Диссертантка выделила два основных типа монастырских построек с подтипами: 1) отдельностоящие хозяйственные и жилые избы-кельи с одним или несколькими помещениями, в том числе на высоких подклетах и с погребями внутри, 2) кельи-связи из нескольких жилых и нежилых сооружений под единой крышей в виде крупных келейных корпусов и усадебных комплексов на отдельном огороженном участке в особножительных монастырях, один из которых в Новодевичьей обители был сформирован из трех построек как двор-«глаголь». На основании археологических источников автор установила разный уровень комфорта обитателей: в отличие от рядовых насельников представители высших сословий обустроивались в монастырях с комфортом, с которым они жили в миру – по сути, в мини-усадебках с богатым убранством и предметным наполнением.

В главе 4 диссертации отмечена особая роль археологических исследований хозяйственных дворов, систем водоснабжения и водоотведения, санитарных зон, элементов благоустройства, письменных сведений о которых крайне мало или нет совсем. Обоснован вывод о конструктивном соответствии друг другу слободских, посадских и монастырских хозяйственных дворов, которые в конце XIV–XVII вв. выносились за внешний контур основных стен, а с XVIII в. часть хозяйственных служб переносится внутрь обителей. Подробно, насколько позволяют доступные источники, охарактеризованы инженерные сооружения: колодцы двух типов – водозаборные и дренажные, системы для отвода вод с монастырской территории в виде лотков-коробов из досок, мусорные и выгребные ямы как элемент благоустройства, общий уровень которого был достаточно высок. Добавлю, что для поддержания развитой системы благоустройства необходимы были мастера-колодезники, существование которых подтверждает не только наличие колодцев, но описанные автором достаточно сложные конструкции их устройства, что требовало специфических знаний и конкретных практических навыков.

Разнообразие повседневной монастырской жизни раскрывается через характеристику предметного наполнения археологизированной деревянной застройки, чему посвящена глава 5. Диссертантка подробно анализирует наиболее массовую категорию находок – коллекцию керамической кухонных, столовых, тарных сосудов разных форм (горшки, кувшины, миски, корчаги и

т.д.), размеров, техник (серо-, бело-, красноглиняная, черно-, красно-, светлолощенная, ангобированная, поливная и т.д.), что дает наглядное представление о неотъемлемом предмете обихода, каким была керамическая посуда в рассматриваемое время. Несомненный интерес вызывает отмеченный автором необычно высокий процент клейм на донцах сосудов в постройках Зачатьевского монастыря и большое количество фрагментов керамики с граффити в Новодевичьей обители, в том числе с владельческими инициалами. Это опровергает мнение иностранных исследователей о неграмотности насельниц женских обителей в XVI–XVII вв. и документирует их привычку пользоваться буквами в быту. Грамотность монастырских обитателей подтверждают находки чернильниц, книжных застёжек и накладок. Наличие импортной европейской посуды указывает на связи с Западом, что особенно заметно в Новодевичьем монастыре, и свидетельствует о статусе ее владелиц.

К числу предметов престижного потребления относится обнаруженная в кельях стеклянная посуда западноевропейского производства и первых российских стеклоделательных заводов, а также металлические сосуды и приборы, составлявшие личный набор посуды насельников высокого статуса. К личным вещам высокопоставленных обительниц-беллиц Зачатьевского и Новодевичьего монастырей относятся находки перстней, серег, что указывает на их привычку носить украшения.

Водолеи-рукомои, ключи, замки, осветительные приборы, игрушки, вещи личного благочестия (кресты), туалетные принадлежности (гребни, банки для помад и мазей), курительные трубки, одежная и обувная фурнитура – предметы обихода, которым в работе дана обстоятельная характеристика, раскрывают многообразие повседневной жизни насельников. Свидетельством торговли и хозяйственной деятельности московских монастырей являются находки товарных пломб, счетных косточек, большого количества монет.

Археологически документированы занятия жителей подмонастырских хозяйственных дворов ткачеством, рыбной ловлей, размолот зерна, покосом травы, обработкой кости, дерева, металлов. Экофакты указывают на употребление строителями, паломниками, трудниками мясной пищи, а монахами рыбы и зерновых культур, а также на содержании в хозяйстве кошек и собак.

Диссертантке удалось убедительно показать и доказать, что деревянная монастырская застройка, раскрывающаяся более всего через археологический

контекст, является важнейшей, неотъемлемой частью исторического облика монастырей, в том числе обителей Москвы конца XIV–начала XVIII вв., которые выступали духовно-религиозными и мемориальными центрами, а также были сложным социально-бытовым организмом, включенным в широкие культурные, ремесленные, торговые, военные связи.

В заключении диссертантка подвела итоги проведенного исследования, опирающиеся на прочную источниковую базу и ее глубокий комплексный анализ. Основные положения, выносимые на защиту, получили убедительное обоснование, что позволило выполнить поставленные задачи.

Внушительный список литературы из 253 наименований и 11 электронных ресурсов показывает глубину внедрения автора в проблематику. 5 приложений, составляющих отдельный том из 513 страниц, включая альбом иллюстраций, описание построек, статистические таблицы и вещевые комплексы, каталоги монет, построек, инженерных сооружений, дает исчерпывающее представление о предмете исследования, позволяют проверить авторские выкладки и подтверждают основные выводы.

В качестве рекомендации считаю целесообразным в будущем расширить сравнительное поле исследований путем более масштабного привлечения материалов по Сибири, ставшей пространством распространения русской культуры, включая строительную.

В работе присутствуют опечатки и пунктуационные ошибки, но они не имеют критичного характера.

Представленный к защите труд А.А. Максимовой обладает несомненной новизной, самостоятельностью. Автор провела трудоемкую работу и внесла серьезный вклад в изучение деревянной жилой и хозяйственной застройки монастырей Москвы конца XIV–начала XVIII вв., которая выступает важнейшим источником для реконструкции повседневной культуры Московской Руси. Обобщающая работа заполняет лакуны и обозначает вектор дальнейших исследований, что обуславливает теоретическую и практическую значимость диссертации. Замечания рекомендательного характера не умаляют научных достоинств проведенного на высоком уровне исследования, которое необходимо опубликовать в формате монографии.

Диссертация А.А. Максимовой «Деревянная жилая и хозяйственная застройка монастырей Москвы конца XIV – начала XVIII веков по данным

археологии (планировка, конструктивные особенности, вещевые комплексы)» является самостоятельным, завершённым трудом, положения которого прошли апробацию в соответствующих заявленной специальности 10 публикациях, 3 из которых входят в перечень ВАК, и на конференциях различного уровня. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации.

Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 5.6.3. Археология и отвечает требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14, предъявляемым к диссертациям на соискание степени кандидата наук действующим «Положением о присуждении ученых степеней». Максимова Анастасия Александровна, безусловно, заслуживает присвоения ей искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Официальный оппонент:

Заведующая кафедрой археологии и
исторического краеведения ТГУ
доктор исторических наук

М.П. Чёрная

21.08.2026 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050 г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: (3822) 529-852
E-mail rector@tsu.ru
Web-сайт: <http://www.tsu.ru>

ПОДПИСЬ УДОСТОВЕРЯЮ
ВЕДУЩИЙ ДОКУМЕНТОВЕД
АНДРИЕНКО И.В.

